IX 1974

6 7 2

ТУ 19—32—73

3

2

ДИАФИЛЬМ

08—3—803

О. Гурьян

Мальчик из Холмогор

ХУДОЖНИК Б. ГУЩИН

В начале зимы 1764 года из города Холмогоры на Северной Двине шёл в Петербург обоз с замороженной рыбой.

С этим обозом ехал крестьянский мальчик Миша к своему дяде Михаилу Васильевичу Ломоносову, учиться.

Через три недели добрались наконец до Петербурга. Обоз остановился на постоялом дворе, а Мишу на другой день должны были отвести к дяде, на Мойку.

Миша встал очень рано, оделся и потихоньку выскользнул за дверь.

Был тот час, когда рабочий люд уже ушёл на работу, а господа ещё спали. Миша очутился на Мойке и остановил прохожего: «Михайло Васильевич здесь живёт?» — «Нет здесь такого», — ответил прохожий.

—Постой, постой! Какой Михайло Васильевич тебе нужен? Не Ломоносов ли? А вот на той стороне. Видишь? Двухэтажный дом с мезонином.

Когда Миша подошёл к дому, он увидел девушку в сарафане. Она сказала Мише, что Михаил Васильевич в мастерской, и показала в глубину двора.

Миша вошёл в дом и очутился в очень высокой зале. В дальнем конце залы творилось что-то необычайное.

В огне и дыме шла яростная молчаливая битва. Беззвучно рвались снаряды. Солдаты, сверкая обнажёнными штыками, рубили врагов, но поднятые руки не опускались. Мимо солдат мчался на могучем коне гигантский всадник.

Миша понял, что это не настоящий бой. Он подошёл ближе и увидел, что перед ним стена. Она была сложена из камней. Только эти камни были мелкие и блестящие и выложены так, что получалась целая картина.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Миша обернулся и увидел человека, которого тотчас узнал.

—«Ты откуда, мальчик?»—«Я—Миша».—Тогда Михаил Васильевич коснулся губами его лба и сказал: «Добро пожаловать, дружок!..»

После завтрака Михаил Васильевич сел в кресло возле огня и попросил Мишу рассказать про себя — что делал, что видел любопытного в дороге. Потом раскрыл толстую книгу в кожаном переплёте и попросил Мишу почитать.

На следующее утро Миша опять пошёл в мастерскую. Сегодня он увидел, как делают мастера мозаичную картину. Над столом был подвешен рисунок, разграфлённый на квадраты. А мастера на железных противнях выкладывали этот рисунок разноцветными стёклышками.

Миша никогда не видел стекла и сейчас смотрел на него, как на чудо. Мастер подарил Мише два стёклышка — зелёное и жёлтое. Миша вышел во двор и стал смотреть через зелёное стёклышко.

Словно в сказке, вдруг наступила весна. Снежные сугробы превратились в зелёные холмы, и весь двор зарос свежей, нежной травой. Крытые аллеи завились гирляндами зелени, а в бассейне заблестела зелёная вода. Зелёная птица поднялась с зелёной ветки и улетела в зелёное небо.

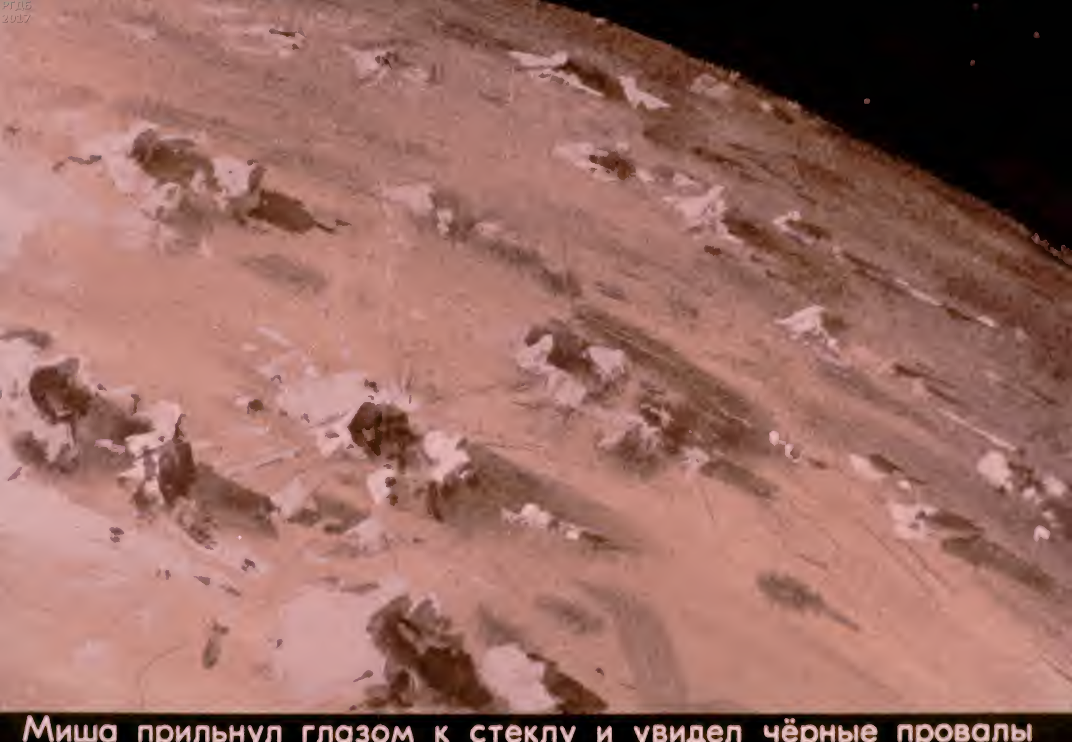
Миша глянул в жёлтое стёклышко. Под густым золотым небом расстилался золотой, удивительный край. Бассейн до краёв был наполнен мёдом. Двор был усеян золотым песком.

Миша увидел Михаила Васильевича: «Хотите посмотреть, как на солнце бывает?» — Михаил Васильевич посмотрел в стёклышко и сказал: «Ошибся, Мишенька. На солнце совсем иначе». — «Но вы же там не бывали!» — «Не был, — сказал Михаил Васильевич. — Но кое-что я рассмотрел в подзорную трубу». — «А мне можно?» — спросил Миша.

Вечером небо было чистое, звёзды ярко горели. Михаил Васильевич установил телескоп.—«Ну, теперь готово, смотри на Луну».

Миша прильнул глазом к стеклу и увидел чёрные провалы гор и залитые серебристым светом равнины.

—«А на солнце можно?»—«На солнце надо уметь смотреть, и то не много увидишь, можно только представить себе в мыслях. Но для этого надо много́ учиться... Пора, Миша, тебя отдавать в гимназию».

На следующий день Михаил Васильевич повёз Мишу на Малую Неву, в дом Строганова, где с недавних пор помещалась академическая гимназия.

Едва швейцар снял с Михаила Васильевича тяжёлую медвежью шубу, как весть о приезде Ломоносова распространилась по всему дому. С радостным криком прибежали мальчики.

Михаил Васильевич с Мишей вошли в кабинет к инспектору академической гимназии. — «Вот мой племянник, Михайло Головин».—Миша поклонился, как его обучили.

После обеда инспектор сам отвёл Мишу в классы. Учитель указал Мише его место и велел соседу показать ему немецкие буквы.

Миша усердно принялся вырисовывать буквы. Сосед время от времени поправлял его. — «Как тебя звать?» — спросил Миша. — «По-простому Кузьма, а по-учёному Косма. Я обязательно буду учёным-химиком. Хочешь, когда классы кончатся, я покажу тебе свою химическую лабораторию».

После уроков Косма привёл Мишу в небольшую комнату, где стояли четыре кровати, четыре стола и четыре табуретки, запер дверь и сказал: «Поклянись, что никому не скажешь!» — Миша, замирая от любопытства, поклялся: «Клянусь, никому не скажу».

Косма нырнул под кровать, долго возился там и наконец вылез, таща за собой небольшой сундучок.

Тут были аптекарские баночки и пузырьки, заткнутые бумажками и наполненные разными порошками и жидкостями, и медная ступка.—«Я по воскресеньям, когда все уезжают по домам, целый день занимаюсь химией»,—сказал Косма.

Неделя прошла незаметно. Мише нравились все уроки, кроме танцев. Так как он был моложе всех, его заставляли танцевать за даму и приседать, придерживая фалду кафтана, будто юбку.

Однажды, когда учитель наигрывал на маленькой скрипочке, а гимназисты прилежно вытягивали носки, вдруг раздался громкий взрыв. Все выскочили из залы и увидели, что из-под двери спальной валит дым.

Служитель высадил дверь плечом. Посреди комнаты Косма, сорвав одеяла со всех четырёх кроватей, пытался погасить пламя, охватившее его сундучок.

Пожар потушили. Косма с грязным, запачканным лицом лежал на кровати и рыдал.— «Только бы меня не исключили из гимназии, пусть лучше в Сибирь сошлют!»

Вошли служители, неся зажжённые свечи. За ними показался Михаил Васильевич. — «Рассказывай!» — коротко приказал он Косме.

Косма, прерывая свой рассказ плачем, заговорил о том, как украдкой делал опыт, ведь больше всего на свете он любит химию. — «Лучше бы меня убило, — рыдал Косма, — только бы меня в гимназии оставили!»

—Пойди умойся и приведи себя в порядок,—сказал Михаил Васильевич.—Тебя не исключат и даже не накажут. Будешь заниматься химией в моей лаборатории, а самостоятельно не смей больше делать опыты.

Косма, по очереди обнимая друзей, твердил: «Как я счаст-
лив, братцы! Какой же я счастливый!»

По воскресеньям за учениками гимназии приезжали кареты и развозили их по домам, к родным. Наконец и за Мишей пришла карета.

Дома Миша узнал, что Михаил Васильевич тяжело заболел. Все домашние ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом. Без Михаила Васильевича дом перестал быть полным чудес. Мише захотелось обратно в гимназию.

Но и в гимназии Мише не было уже теперь так интересно и весело, как прежде. Целую неделю не было вестей о здоровье Михаила Васильевича, но Косма утешал его: «Нет вестей—хорошие вести!»

И вот однажды ребята узнали, что инспектор гимназии поехал навещать Михаила Васильевича. Вся гимназия с нетерпением ожидала его возвращения. Наконец вернулась карета инспектора, и ученики высыпали на крыльцо.

Инспектор гимназии вышел из кареты без шляпы, бледный, с покрасневшими глазами. Увидев Мишу, он хотел что-то сказать, протянул руку со скомканным платком и вдруг быстро прошёл мимо. Но Миша и без слов всё понял. Михаила Васильевича Ломоносова не стало.

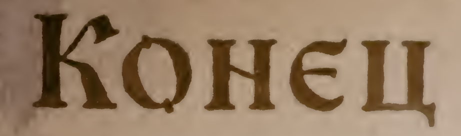

Михаил Васильевич Ломоносов лишь ненадолго вошёл в жизнь мальчика из Холмогор Миши Головина, но оставил в ней след навсегда: Ломоносов приоткрыл перед Мишей волшебный мир знания. Пройдут годы, и Михаил Головин станет учёным, напишет труды по математике и опытной физике.

Когда Миша читал «Памятник» Ломоносова, он думал о том, что и в нём осталась какая-то часть этого человека.

Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой...

Сценарий Н. МАКСИМЕНКО
Редактор Н. МАРТЫНОВА
Художественный редактор А. МОРОЗОВ

Студия „Диафильм“, 1973 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-017-74 Цветной 0-30